

И. Л. Манькова, М. Ю. Нечаева
**КОНЦЕПТ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЛАНДШАФТ» — «ДВУЛИКИЙ ЯНУС»
В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

doi: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-89-98

УДК 930.2

ББК 86:63.3

Активный поиск новых подходов к осмыслению исторических процессов характерен для российской исторической науки постсоветского периода. Целью данной статьи является анализ разработки концепта «религиозный ландшафт» и связанного с ним понятийного разнообразия, а также методов и познавательных возможностей его применения в современных исторических исследованиях. Авторы рассматривают предлагаемые историками трактовки понятий «религиозный ландшафт», «православный ландшафт», «сакральное пространство», «монастырский ландшафт». Указывается единство историков в понимании религиозного ландшафта как части культурного ландшафта и в восприятии его как системы, включающей природные и культурные объекты, которые используются в религиозных практиках. Отмечены различия в определении термина «религиозный ландшафт», обусловленные разнообразием целей исследований и возможностями имеющихся исторических источников. Особое внимание уделено понятию «православный ландшафт», которое находит все большее применение в историографии. Также в статье раскрывается концепт монастырского ландшафта как вида локального культурного ландшафта и как части регионального и странового религиозного ландшафта. Авторы статьи приходят к выводу о перспективности дальнейшего использования ландшафтного подхода для изучения религиозности, адаптивных практик и форм организации религиозной жизни. Обращение к пространственным маркерам культовых, хозяйственных и социальных практик религиозных институтов помогает историкам более плодотворно учитывать взаимодействие всех сфер влияния религиозной организации на социум. Перспектива применения ландшафтного подхода в локальных и региональных исторических исследованиях видится в системном анализе всей совокупности религиозных объектов, ритуальных практик, пространственной символики и сакральной топографии. Подключение историков к междисциплинарным исследованиям религиозных ландшафтов позволит обогатить их детальной проработкой истории ландшафтообразующего социума и дать ответ на вопрос об объективных границах применения этого подхода при изучении различных эпох.

Ключевые слова: *религиозный ландшафт, православный ландшафт, монастырский ландшафт, сакральное пространство*

Характерной чертой российской исторической науки постсоветского периода является активный поиск новых подходов к осмыслению отечественной истории. Один из векторов этого поиска направлен на творческое развитие и применение концептов, появившихся в других областях гуманитарного знания. В нашем случае речь идет о пространственной презентации явлений культуры с помощью концепта «культурный ландшафт». Этот подход довольно часто используется в современных гуманитарных исследованиях, позволяя представить культуру как систему взаимодей-

ствия людей и природной среды. Он оказался удобным инструментом при создании пространственных реконструкций и объяснительных моделей жизнедеятельности локальных/региональных социумов.¹

Теоретическое осмысление и применение концепта «культурный ландшафт» имеют богатую историю в мировом научном пространстве, которая хорошо освещена в отечественной историографии. Несмотря на разнообразие и дискуссионность трактовок понятия «культурный ландшафт» среди представителей различных научных дисциплин, можно выделить два смысловых направления в объяснении этого концепта: культурный ландшафт как объективно существующая реальность и как ментальный конструкт. Эту дихотомию можно ассоциировать с визуальным образом двуликого Януса. Вместе

Манькова Ирина Леонидовна — к.и.н., в.н.с. Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ilman.o8@mail.ru

Нечаева Марина Юрьевна — к.и.н., с.н.с. Центра методологии и историографии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: atlasch@yandex.ru

¹ См.: Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2003; Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М., 2008; Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998; и др.

с тем в древнеримской мифологии он является божеством, соединяющим распадающуюся сущность и покровительствующим времени, поэтому его образ вполне может подойти и для иллюстрации усилий современных историков, использующих ландшафтный подход в своих научных изысканиях. В последнее двадцатилетие история религии, в частности православия, стала той областью, где накопление теоретического и практического опыта применения этого подхода происходило наиболее активно. Цель данной статьи — показать направления разработки концепта «религиозный ландшафт», методы и возможности его применения в современных исторических исследованиях.

Обращаясь к осмыслению понятия «религиозный ландшафт», большинство исследователей сходятся в том, что он является частью культурного ландшафта, поэтому в своих изысканиях они опираются на теоретические разработки культурной географии. Не вызывает разногласий и то, что религиозный ландшафт — это системный объект, включающий как природные, так и культурные элементы, относящиеся к религиозной сфере общественной жизни. Однако далее начинаются разночтения, в значительной степени определяемые разнообразием тем, в изучении которых применяется данный концепт.

Е. М. Главацкая предложила применить ландшафтный подход для анализа религиозности населения Урала, чтобы объединить усилия исследователей, изучающих разные конфессии. По ее мнению, это позволило бы обосновать или опровергнуть тезис о складывании с конца XVII в. единого культурного пространства Урала. Она трактует религиозный ландшафт как «религиозную ситуацию, складывающуюся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь человека, скоторыми люди пытаются установить диалог путем совершения определенных ритуальных практик и создания соответствующих институтов». ² Позднее исследователь пояснила, что «составляющими религиозной ситуации являются материальные и нематериальные маркеры присутствия религии в пространстве». ³

² Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала: феномен, проблемы реконструкции, методы исследования // Урал. ист. вестн. 2008. № 4 (21). С. 76–82.

³ Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Православный ландшафт Екатеринбург (Свердловска) в 1917–1941 гг.: историко-ста-

В качестве метода реконструкции религиозного ландшафта Урала Е. М. Главацкая предложила изучить «религиозный опыт всех групп населения и включить их в одну географическую систему» посредством картографирования, что позволяет «визуализировать изучаемый феномен, дает возможность проследить процессы в динамике и увидеть различные элементы ландшафта в системе». ⁴ Такой подход позволил бы получить новое знание о развитии отдельных конфессий под влиянием контактов с другими религиозными сообществами и определить формы этого взаимодействия. ⁵ Развивая идею британских исследователей И. Робертсона и П. Ричардса о том, что любой культурный ландшафт подобен палимпсесту (тексту, написанному поверх более раннего текста), Е. М. Главацкая предложила метод послойного чтения религиозного ландшафта, который дает возможность проследить его эволюцию.

Применение ландшафтного подхода в предложенной трактовке реализовалось в проекте «Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX–XX в.: историко-культурный атлас», выполненного под руководством Е. М. Главацкой. Его участники акцентировали внимание на «религиозных институтах различных конфессий» и в результате их изучения определили этапы эволюции основных конфессий Урала, векторы их географического распространения и факторы, повлиявшие на их развитие. ⁶ Дальнейшие исследования в этом направлении потребовали изменения исследовательской оптики и перехода к изучению религиозного ландшафта в более узких географических рамках конкретного города. Дополнение картографического метода статистическим позволило уральским историкам рассмотреть религиозность различных конфессий через осуществление повседневных ритуальных практик, проследить регресс городского религиозного ландшафта в условиях советской секуляризации массового сознания. ⁷

Барнаульские религиоведы, изучающие различные конфессии и верования людей, прожи-

стистический анализ // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 2. С. 133.

⁴ Главацкая Е. М. Религиозный ландшафт Урала... С. 81.

⁵ См.: Она же. Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // Урал. ист. вестн. № 2 (23). 2009. С. 101–108.

⁶ См.: Она же. Эволюция религиозного ландшафта Урала в конце XIX–XX вв.: историко-культурный атлас // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. № 4 (120). С. 305–309.

⁷ См.: Бахарев Д. С., Главацкая Е. М. Указ. соч. С. 133–152.

вавших на территории Западной Сибири и прилегающих районов с древности до современности, объединили свои усилия для исследования религиозного ландшафта данной территории в исторической ретроспективе. Руководитель проекта П. К. Дашковский определил понятие «религиозный ландшафт» как «исторически изменяющуюся систему взаимоотношений между обществом и религиозными общинами в определенном географическом пространстве в контексте этнических, социально-экономических, культурных и политических процессов».⁸ Применяя методы исторической науки, участники исследования стремились показать влияние объективных и субъективных факторов, конкретно-исторических обстоятельств на «конфигурацию» религиозного ландшафта, оценить внутреннее состояние самих конфессиональных сообществ, обратив внимание на роль государственной религиозной политики в этих процессах.⁹

В настоящее время ландшафтный подход — наиболее часто применяемый при изучении истории православия как самой распространенной на территории России конфессии. Он позволяет историкам задавать определенный угол зрения при анализе религиозной сферы общественной жизни отдельных регионов в широком историческом диапазоне. Как правило, исследователи подразумевают под православным ландшафтом систему культовых объектов, сформировавшуюся на конкретной территории. В большинстве случаев внимание фокусируется на приходских церквях, рассматриваются история их появления, храмоименования, архитектурные изменения, порядок размещения на территории. Ландшафтный подход позволяет проследить процесс пространственного развития институциональной структуры православной церкви и ее функционирование в заданных географических границах и в определенное время.¹⁰ Он также помогает ре-

шить некоторые сложные исследовательские задачи при отсутствии достоверной информации в источниках.

Так, изучение истории колонизации Сибири в конце XVI — начале XVIII в. сквозь призму православного ландшафта позволяет скорректировать представление о низкой степени религиозности русских первопоселенцев, которое сформировалось в историографии под влиянием негативных оценок поведения колонистов в донесениях первых сибирских архиепископов царю и патриарху. Сохранившиеся актовые материалы и делопроизводительная документация Сибирского приказа и приказных изб не позволяют адекватно оценить религиозность сибиряков, поскольку в этих источниках не отражалось повседневное соблюдение нравственных и духовных норм, а фиксировались только нарушения православного образа жизни.¹¹ Но этот пробел восполняется анализом деятельности местного социума по преобразованию территории в соответствии с религиозными представлениями и духовными потребностями сквозь призму концепта православного ландшафта.

Организуя собственное жизненное пространство в Сибири, русские колонисты переносили туда свои религиозные традиции, создавали новый для этой территории православный ландшафт. Для его реконструкции в городах Западной Сибири в конце XVI — начале XVIII в. один из авторов данной статьи И. Л. Манькова провела реконструкцию системы культовых объектов, размещенных на определенной территории, маркирующих ее как находящуюся под защитой высших христианских сил и обеспечивающих духовные потребности населения. К объектам (элементам) православного ландшафта она отнесла соборные и приходские церкви, часовни, комплексы архиерейских дворов и монастырей, явленные, чудотворные и местночтимые иконы, мощи святых, могилы подвижников православия, поклонные кресты и сакральные природные объекты. Маркировка пространства этими элементами нашла отражение и в местной топонимике: названиях улиц, частей населенного пункта, острожных башен, гидронимах и т. д. Ритуальные практики (храмовые праздники, крестные ходы, паломничества, обретение местных святынь и их почитание), а также совместная деятельность людей по созданию

⁸ Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Барнаул, 2014. Т. 1. С. 11.

⁹ См.: Там же. С. 178, 179.

¹⁰ См.: Васильев А. В. Документация о строительстве сельских церквей как исторический источник (на примере Томской губернии) // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2014. № 389. С. 139–144; Мацук М. А. Эволюция православного ландшафта Яренского уезда XVII столетия // Историко-культурные аспекты изучения северных территорий России (исследования, источники, историография). Сыктывкар, 2017. С. 47–60; Ворошилова А. С. Реконструкция православного ландшафта таежной Сибири на материалах фонда Томской духовной консистории // Гуляевские чтения. Барнаул, 2018. Вып. 4. С. 115–120; Королева Е. Д. Православный ландшафт историко-культурной общности Троицка и Елабуги в XIX в. // Гороховские чтения. Челябинск, 2013. С. 24–30; и др.

¹¹ См.: Тобольский архиерейский дом в XVII в. Новосибирск, 1994. С. 178–180.

и поддержанию объектов православного ландшафта (строительство церквей, их ремонт, приобретение церковного имущества, содержание священников, причта и др.) обеспечивали его существование как системы.

Как показали проведенные И. Л. Маньковой исследования, в том числе и с использованием метода картографирования, генезис православного ландшафта западносибирского города представлял собой поступательный процесс «насыщения» его территории культурными объектами, завершившийся созданием их сети, покрывающей всю городскую территорию.¹² На развитие этого ландшафта оказывали воздействие такие факторы, как расширение городской территории, увеличение численности и изменение социального состава населения, духовные запросы местных сообществ, появление новых ритуальных практик, соприкосновение с зонами распространения других конфессиональных ландшафтов, а также стихийные бедствия (пожары, наводнения, засухи, эпизоотии и др.).

Исследователь пришла к выводу, что в городах, основанных восточнее Уральского хребта в конце XVI в., православный ландшафт как система сформировался к началу XVIII в. Об этом свидетельствует наличие всего спектра взаимосвязанных и образующих целостность культовых объектов, укоренение православной топонимики. Важнейшим показателем завершения этого процесса являлось обретение святынь, имевших региональное значение. К началу XVIII в. на второй план ушла функция сакральных маркеров завоеванной территории, помогавшая русским первопоселенцам адаптироваться в новых условиях, а отправление духовных треб и совершение религиозных практик остались единственным предназначением соборных и приходских церквей как базовых объектов православного ландшафта.

Историки не ограничиваются только объектно-институциональной трактовкой православного ландшафта, но включают в зону внимания

и его сакральную составляющую. Так, томские ученые с целью изучения механизмов адаптации и идентификации русского населения таежной Сибири обратились к пространственному и социальному измерению культуры через концепт «православный ландшафт». Трактую это понятие как «сеть сакральных мест и объектов», они предложили соединить культово-объектный подход с концепцией «кризисной сети», разработанной Т. Б. Щепанской, а также учесть исследования А. А. Панченко о святых местах народного православия. Под таким углом зрения, по их мнению, реконструкция православного ландшафта (сети) в исторической динамике дает возможность проследить «взаимодействие и конкуренцию символических практик официального и “народного” православия в процессах хозяйственного и политического освоения края», а также влияние пространственной символики на формирование этноконфессиональной идентичности.¹³

Для этнографов, культурологов, антропологов и фольклористов важное значение имеет не только историческая реконструкция объектов православного ландшафта, но и их интерпретация в народном сознании, формирование символического/сакрального пространства в представлениях людей, что, в свою очередь, определяет их поведенческие стратегии.¹⁴ В их публикациях уделяется большое внимание феномену почитаемых мест, символической маркировке пространства, сакрализации природных объектов на материалах различных регионов нашей страны.¹⁵

В работах, посвященных историко-культурному наследию, часто используется понятие «сакральный ландшафт».¹⁶ Согласно подходу,

¹³ Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования / Дутчак Е. Е. [и др.] // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.

¹⁴ См.: Ермакова Е. Е. Формирование современного сельского религиозного ландшафта: на примере святынь села Чимеево Курганской области (Россия) // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 191–215.

¹⁵ См.: Виноградов В. В. Северорусские почитаемые места: топика святынь. Избранные статьи, диссертация. СПб., 2019; Панченко А. А. Исследования в области народного православия: деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998; Платонов Е. В. Почитаемые камни в православной традиции на Северо-Западе России // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 130–144; Он же. Почитаемые места Гдовского района — культурный ландшафт и фольклор (по материалам 2007–2010 гг.) // Традиционная культура. 2012. № 3. С. 75–85; Фадеева А. В. Святыне места реки Пинеги: памятники и предания // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. материалов науч.-практ. конф. М., 1999. Вып. 3. С. 203–221; и др.

¹⁶ См.: Воловик В. Н. Категории сакрального ландшафта // Географический вестник. 2013. № 4 (27). С. 26–34; Окладни-

¹² См.: Манькова И. Л. Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска // Известия Урал. фед. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 212–226; Она же. Православный ландшафт Тюмени в XVII — первой половине XVIII в.: опыт «прочтения» // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 8: История. С. 58–68; Она же. Формирование православного ландшафта Туринска в XVII — первой половине XVIII в. // Вестн. Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 4 (16). 2016. С. 153–172; Она же. Православный ландшафт Пельма в XVII — первой половине XVIII в. // Там же. Вып. 4 (20). 2017. С. 53–76; и др.

разработанному сотрудниками Института Наследия, «культурные ландшафты можно различать по типам исторической деятельности или основным историческим функциям, определившим специфические социокультурные особенности ландшафта».¹⁷ На этих основаниях выделяется сакральный ландшафт, связанный с «проведением религиозных церемоний, поклонением объектам культа, священнодействием». В этой классификации сакральный ландшафт выступает как отдельный вид культурных ландшафтов, имеющий четкую локализацию. Проведение религиозных церемоний как основная историческая функция в христианской традиции характерно для монашеских сообществ и приходских общин (в рамках церковного богослужения). Поэтому к сакральному ландшафту как виду могут быть отнесены монастырские ландшафты и храмовое пространство.

Применительно к сообществам, для которых религиозная деятельность является одной из функций, используется термин «сакральное пространство» для обозначения культурно-ландшафтных маркеров, связанных с культовой деятельностью. В этом случае сакральное пространство составляет часть культурного ландшафта. Попытки применить термин «сакральное пространство» в исторических исследованиях сталкиваются с объективной ограниченностью информации, которую можно извлечь из источников — как письменных, так и материальных. На практике изучение сакрального пространства обычно является изучением сакральной топографии: храмонаименования и размещения культовых объектов.

Наиболее обширное исследование такого плана проведено А. Л. Баталовым и Л. А. Беляевым, поставившими задачу изучения сакральной топографии Средневековья посредством содержательной оценки пространственной структуры Москвы. От культурологических работ, посвященных сакральному пространству средневекового города, в которых оно рассматривается как «пространственная икона», повторяемая в различных локальных вариантах (это характерно для иеротопического направления исследований), их исследование отличается сугубо историческим методом анализа: от детального восстановления на основе

исторических источников отдельных «простейших» элементов церковной топографии (престолов церквей и монастырей) до их систематизации в меняющемся городском пространстве Москвы. Особенности размещения и развития этих элементов авторы связывают с разнообразными историческими реалиями, включая социально-политическую обстановку и бытовые условия. Сакральное пространство Москвы анализируется как «эволюционно сложившаяся и лишь отчасти креативно замысленная (“спроектированная”, “спланированная”) система». Само сакральное пространство рассматривается авторами книги как средство воплощения (материализации) фундаментальных представлений социума о мире, в котором он существует.¹⁸ По концептуальному осмыслению понятия «сакральное пространство» к работе московских ученых близки историко-этнографические исследования культурного ландшафта Русского Севера, в которых анализируются сакральные топонимия, ономастика и топография.¹⁹

Сквозь призму ландшафтного подхода изучается и история монастырей. Как правило, исследователи обозначают их как «сакральные ландшафты», однако определения структурных характеристик неоднозначны. В качестве объектов культурного наследия, подлежащих охране, монастырские ландшафты включают в себя не только культовые здания (храмы и часовни), но и весь комплекс жилых и хозяйственных сооружений в пределах монастырской ограды. В ряде культурологических исследований в монастырский ландшафт включается не только территория внутри ограды, но и все владения монастыря с имеющимися в них постройками любого назначения.²⁰

¹⁸ Баталов А. Л., Беляев Л. А. Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010. С. 8–13.

¹⁹ См.: Иванова А. И. Священная ономастика и топография часовен Русского Севера // XVII Ломоносовские междунар. чтения. Архангельск, 2006. Вып. 2. С. 63–74; Попова Л. Д. Священная топография Архангельска // Там же. С. 89–96; Спасенкова И. В. Православный каркас градостроительной композиции Вологды в начале XX в. // Там же. С. 96–99; Кибирева В. В. О Новгородском храмовом ономастиконе XII–XIV вв. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2012. Вып. 6. С. 245–248; и др.

²⁰ См.: Завьялова Н. И. Восстановление историко-культурного ландшафта Белопесоцкого монастыря // Наследие и современность. Информационный сборник. М., 2002. Вып. 9. С. 85–96. Современные подходы архитекторов к проблемам сохранения и реставрации монастырских архитектурных комплексов см.: Белоярская И. К. Монастырские комплексы Вологодской области. Принципы современной реабилитации: дисс. ... канд. архитектуры. СПб., 2002; Кривоносова М. А. Архитектура монастырей Западной Сибири (XVII–XX вв.): дисс. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2003.

кова Е. А. Сакральный ландшафт: теория и эмпирические исследования. Берлин, 2014; и др.

¹⁷ Культурный ландшафт как объект наследия. М.; СПб., 2004. С. 147, 148.

Используются также термины «сакральное пространство монастыря» или «сакральная география монастыря». Чаще всего они применяются к островным обителям как своего рода чистым примерам сакральной организации пространства. В работе архангельского историка С. О. Шаляпина предложен термин «сакральная геометрия» для обозначения границ сакрального пространства островного монастыря, которые совпадают с границами самого острова. Автор аргументировал использование этого термина тем, что основные хозяйственные комплексы старались выносить за пределы острова. Однако постройки жилого, хозяйственного, паломнического назначения в пределах как ограды монастыря, так и острова, на котором он расположен, включаются автором в список объектов сакрального ландшафта.²¹ В исследовании петрозаводского философа Л. В. Михайловой в круг объектов сакральной географии монастырей включаются не только культовые объекты, но и монастырские сады, дороги, мосты, а семантика всего пространства Валаамского архипелага представлена совокупностью образов острова как мира мертвых, монастыря как рая, самого архипелага как образа Афона и Палестины.²² Обе работы выполнены в русле иеротопического направления в культурологии.

В ряде исследований делаются попытки терминологического определения региональной совокупности монастырей. Так, в работах вологодского историка А. В. Камкина островные монастыри Русского Севера (их в XIII–XIX вв. в регионе было 34) определяются как «некая духовно-пространственная система», являющаяся «вполне самостоятельным элементом культурного ландшафта».²³ Организация пространства островных монастырей характеризуется, с точки зрения автора, маргинальностью, увязывается с фронтирностью расположения монастырей на окраине заселяемого и осваиваемого региона, а также с эсхатологическими образами в картине мира православного населения.²⁴

²¹ См.: Шаляпин С. О. Символика и сакральная геометрия северного островного монастыря: компаративный подход // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2008. Вып. 3. С. 266–275.

²² См.: Михайлова Л. В. Сакральная география Валаамского архипелага // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2011. Вып. 5. С. 131–142.

²³ Камкин А. В. Спас-Камень — 750 лет истории (о роли островных монастырей в духовном освоении Русского Севера) // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2012. Вып. 6. С. 213–216.

²⁴ См.: Там же; Он же. Островные монастыри в культурном ландшафте Русского Севера // Русская культура на рубеже

Совокупность четырех монастырей, расположенных в Кенозерье (в границах Кенозерского национального парка, характеризуемого как единая по природно-географическим, культурным и социальным признакам территория), определяется архангельским исследователем М. Н. Мелютиной как «монастырское учредительство», «единое сакральное пространство» с духовным центром в Каргополе, объединенное монастырскими тропами.²⁵

Отмеченные выше работы свидетельствуют о том, что термин «монастырский ландшафт» в настоящее время весьма разноречиво трактуется исследователями. С учетом социальной специфики исторических исследований одним из авторов данной статьи М. Ю. Нечаевой предлагается понимание монастырского ландшафта как природно-культурного территориального комплекса, сформировавшегося в процессе функционирования монашеского социума и имеющего характерные для монашеского образа жизни ландшафтные образы и географические формы. Монастыри при данном подходе изучаются в рамках полной пространственной организации всех сфер их деятельности и социальных контактов на локальном, региональном, страновом и конфессиональном (международном) уровнях.²⁶

Локальный монастырский ландшафт понимается как пространственная форма выражения образа жизни монашеской общины. Территория внутри монастырской ограды составляет ядро ландшафта, именно в этих границах находит наиболее полное пространственное выражение специфика монашества как религиозной общности с особыми «нормами неравенства», отделяющими ее от остального православного социума. Так, аскетическая традиция уединения, «умирания» для мира и «рождения» для новой, более идеальной богоугодной жизни имеет пространственное выражение в ограждении территории обители, в особой организации культовых, жилых, хозяйственных, паломни-

веков. Русское поселение как социокультурный феномен. Вологда, 2002. С. 7–16.

²⁵ См.: Мелютина М. Н. Монастырский ландшафт Кенозерья: паломническая практика на рубеже XIX–XX вв. URL: <http://kenozerjelive.ru/melutina-palomniki.html> (дата доступа: 27.02.2019).

²⁶ См.: Нечаева М. Ю. Культурно-исторические достопримечательности Урала: статусные характеристики // Туризм в исторических городах Урала. Екатеринбург, 2009. С. 3–25; Она же. Монастырские ландшафты Среднего Урала: исследовательские подходы и объекты наследия // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 96–102; Она же. Монастырские ландшафты и просопография монашества: точки пересечения // Научный диалог. 2017. № 10. С. 236–248.

ческих построек и в создании системы разнотипных удаленных монашеских поселений, дающих возможность следования иноческому служению в зависимости от уровня духовного опыта (скиты, пустыни, общежительные монастыри). Регламентация образа жизни кругом богослужений, послушаний и келейных молитвенных практик имеет пространственное отражение в системе монастырских построек и сакральном внутривнутрихрамовом пространстве.

С периферией локального монастырского ландшафта связаны система жизнеобеспечения и круг социальных контактов монашеской общины. Она включает все виды организации хозяйственной деятельности за пределами монастырской ограды; пространства религиозного влияния монастыря (маршруты крестных ходов, географию распространения рецепций монастырских святынь и паломничеств в монастырь); пространства социальных контактов (географический ареал пополнения монашества и личных контактов иноков); ареал общественного влияния монашеской общины на окружающий социум (монастырская благотворительность, просветительская деятельность, участие в деятельности общественных организаций).

Важной вехой в изменении периферии локальных монастырских ландшафтов в России оказалась секуляризационная реформа 1764 г. Если до нее ландшафты включали как архитектурные комплексы самих обителей, так и систему вотчинных владений, которые принадлежали большинству мужских монастырей, то после 1764 г. очертания монастырских ландшафтов стали принципиально иными, поскольку обители были лишены вотчин и крестьян, а наделены лишь сенокосными и промысловыми владениями, мельницами и подворьями.

Региональный монастырский ландшафт выражает исторически существовавшие взаимосвязи между обителями и их роль в региональной церковно-административной системе. На этом уровне предметом анализа являются: сети монастырей, связанных преемственностью опыта организации монашеской жизни (приписные монастыри, монашеские общины, получившие начальствующих лиц из учрежденных монастырей); обители, окормляемые старцами; церковно-административные функции, выполняемые некоторыми монастырями как духовными правлениями; монастырские благочиния; региональные паломнические маршруты, включающие монастыри.

Страновой и конфессиональный (международный) монастырский ландшафты охватывают каналы передачи прежде всего духовных монашеских традиций: преемственность монастырских уставов; распространение монашеских традиций из обителей со старческим опытом (ареал распространения монашеских традиций от Сергия Радонежского, Паисия Величковского, саровских, оптинских, валаамских старцев); ареал паломничества в наиболее чтимые в страновом и международном масштабе монастыри.

Исходя из вышесказанного, следует, что локальный монастырский ландшафт представляет собой вид культурного ландшафта, а региональный, страновой и конфессиональный — часть религиозного ландшафта соответствующего уровня.

Таким образом, растущая популярность ландшафтного подхода среди отечественных историков свидетельствует о перспективности осмысления исторического материала с помощью пространственных и географических дискурсов. Существующее разнообразие терминов и их трактовок, выделение структурных единиц религиозного ландшафта по различным критериям показывают, что ландшафтный подход в исторических исследованиях как концепция находится в стадии становления. Объяснительные модели понятия «религиозный ландшафт» и его составляющих в основном строятся на тех же подходах, что и в культурном ландшафтоведении, — представлении об объекте исследования как об объективно существующей реальности, создаваемой людьми, или как об образе, сформированном в сознании людей. Вместе с тем, несмотря на различия в трактовках понятия, все исследователи стремятся представить изучаемый объект системно, акцентируя внимание на его целостности. Подобно мифологическому Янусу, наделенному даром превращать хаос в упорядоченный космос, концепт «религиозный ландшафт» способствует не только систематизации исторических данных о пространственной организации религиозной деятельности различных социумов, но и получению нового знания. Обращение к пространственным маркерам культовых, хозяйственных и социальных практик религиозных институтов помогает историкам более плодотворно учитывать взаимодействие всех сфер влияния религиозной организации на социум. Анализ локальных, региональных и страновых уровней религиозного ландшафта показывает основные направления

распространения различных проявлений религиозности, а также ее уровень. Характерное для ландшафтных исследований картографирование объектов позволяет визуализировать динамику развития конфессиональных и религиозного ландшафтов и тем самым облегчить ее анализ. Целесообразным видится

участие историков в междисциплинарном анализе религиозного ландшафта и его составляющих (сакрального ландшафта, монастырского ландшафта). Оно способствует детальной проработке образа жизни ландшафтообразующего социума и расширяет хронологические возможности применения этого концепта.

Irina L. Mankova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *ilman.o8@mail.ru*

Marina Yu. Nechaeva

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *atlasch@yandex.ru*

THE “RELIGIOUS LANDSCAPE” CONCEPT — “TWO-FACED JANUS”
IN MODERN HISTORICAL STUDIES

An active search for new approaches to understanding historical processes is characteristic of Russian historical science of the post-Soviet period. The purpose of the article is to analyze the development of the “religious landscape” concept and its conceptual diversity, as well as the methods and cognitive possibilities of its application in modern historical research. The authors consider the interpretations of such concepts as “religious landscape”, “Orthodox landscape”, “sacred space”, “monastery landscape” proposed by historians. The paper indicates that historians have a shared understanding of religious landscape as a part of cultural landscape and in perceive it as a system that includes natural and cultural objects used in religious practices. There are differences in definition of the term “religious landscape” which are due to the variety of research objectives and the possibilities of available historical sources. Particular attention is paid to the “Orthodox landscape” concept which is increasingly being used in historiography. The article also considers the concept of the monastery landscape as a type of local cultural landscape and as a part of regional and national religious landscape. The authors of the article come to the conclusion that future use of the landscape approach is promising for studying religiosity, adaptive practices and forms of organizing religious life. Addressing the spatial markers of religious, economic, and social practices of religious institutions helps historians more fruitfully take into account the interaction of all spheres of influence of a religious organization on society. The prospect of applying the landscape approach in local and regional historical studies seems to be in a systematic analysis of the totality of religious objects, ritual practices, spatial symbolism and sacred topography. The inclusion of historians in interdisciplinary studies of religious landscapes will enrich them with a detailed study of the history of landscape-forming society and give an answer to the question of the objective boundaries of the application of this approach in studying different eras.

Keywords: *religious landscape, Orthodox landscape, monastery landscape, sacred space*

REFERENCES

- Bakharev D. S., Glavatskaya E. M. [The orthodox landscape in Ekaterinburg (Sverdlovsk) before the Word War II: historical and statistical analysis]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], 2019, vol. 5, no. 2, pp. 133–152. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-133-152 (in Russ.).
- Batalov A. L., Belyaev L. A. *Sakral'noye prostranstvo srednevekovoy Moskvy* [Sacred space of medieval Moscow]. Moscow: Dizayn. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2010. (in Russ.).
- Beloyarskaya I. K. *Monastyrskiye komplekсы Vologodskoy oblasti. Printsipy sovremennoy reabilitatsii: kand. diss.* [Monastic complexes of the Vologda region. Principles of modern rehabilitation: Diss. Cand.]. Saint Petersburg, 2002. (in Russ.).
- Chaliapin S. O. [Symbolism and sacred geometry of the northern island monastery: a comparative approach]. *Pomorskiye chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on semiotics of culture]. Arkhangelsk: Pomorskiy universitet Publ., 2008, iss. 3, pp. 266–275. (in Russ.).

- Dutchak E. E., Vasiliev A. V., Kim E. A., Polezhaeva T. V. [Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: the Concept of Research]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2013, no. 1, pp. 79–90. (in Russ.).
- Ermakova E. E. [The formation of modern rural religious landscape: shrines in the village of Chimeevo, Kurgan region (Russia)]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2016, no. 4, pp. 191–215. DOI: 10.17223/2312461X/14/11 (in Russ.).
- Fadeeva A. V. [Holy places of the Pinega River: monuments and traditions]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir. Sbornik materialov nauch.-praktich. konf.* [Slavic traditional culture and the modern world. Collection of materials of the sci.-practical conf.]. Moscow: Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora Publ., 1999, iss. 3, pp. 203–221. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M. [Orthodox colonization and changing Ural religious landscape in the 18th century]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 2 (23), pp. 101–108. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M. [Religious landscape of the Urals: phenomenon, reconstruction, methodology]. *Ural'skij istoriceski vestnik* [Ural Historical Journal], 2008, no. 4 (21), pp. 76–82. (in Russ.).
- Glavatskaya E. M. [The Evolution of Ural Religious Landscape in Late 19th–20th centuries: a Historic and Cultural Atlas]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2013, no. 4 (120), pp. 305–309. (in Russ.).
- Ivanova A. I. [Sacred onomastics and topography of the Russian North chapels]. *XVII Lomonosovskiye mezhdunarodnyye chteniya* [17th Lomonosov International Readings]. Arkhangel'sk: KIRA Publ., 2006, iss. 2, pp. 63–74. (in Russ.).
- Kagansky V. L. *Kul'turnyy landshaft i sovetskoye obitayemoye prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet inhabited space]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2001. (in Russ.).
- Kalutskov V. N. *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2008. (in Russ.).
- Kamkin A. V. [Island monasteries in the cultural landscape of the Russian North]. *Russkaya kul'tura na rubezhe vekov. Russkoye poseleniye kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian culture at the turn of the century. Russian settlement as a sociocultural phenomenon]. Vologda: Knizhnoye naslediye Publ., 2002, pp. 7–16. (in Russ.).
- Kamkin A. V. [Spas-Kamen — 750 years of history (on the role of island monasteries in the spiritual development of the Russian North)]. *Pomorskiye chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on semiotics of culture]. Arkhangel'sk: Solombal'skaya tip. Publ., 2012, iss. 6, pp. 213–216. (in Russ.).
- Kibireva V. V. [On the Novgorod temple onomasticon of the 12th–14th centuries]. *Pomorskiye chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on semiotics of culture]. Arkhangel'sk: Solombal'skaya tip. Publ., 2012, iss. 6, pp. 245–248. (in Russ.).
- Koroleva E. D. [The Orthodox landscape of the historical and cultural community of Troitsk and Elabuga in the 19th century]. *Gorokhovskiy chteniya* [Gorokhov readings]. Chelyabinsk: OGBUK “ChGKM” Publ., 2013, pp. 24–30. (in Russ.).
- Krivososova M. A. *Arkhitektura monastyrey Zapadnoy Sibiri (XVII–XX vv.): kand. diss.* [Architecture of the Monasteries of Western Siberia (17th–20th centuries): Diss. Cand.]. Novosibirsk, 2003. (in Russ.).
- Kul'turnyy landshaft kak ob'yekt naslediya* [Cultural landscape as a heritage object]. Moscow; Saint Petersburg: “Dmitriy Bulanin” Publ., 2004. (in Russ.).
- Kul'turnyy landshaft Russkogo Severa, Pinezh'ye, Pomor'ye* [Cultural landscape of the Russian North, Pinezhye, Pomorie]. Moscow: FMBK Publ., 1998. (in Russ.).
- Mankova I. L. [The Formation of the Orthodox Cityscape of Turinsk in the 17th — first half of the 18th centuries]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2016, iss. 4 (16), pp. 153–172. (in Russ.).
- Mankova I. L. [The Orthodox Landscape of Pelym in the 17th — first half of the 18th century]. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary], 2017, iss. 4 (20), pp. 53–76. (in Russ.).
- Mankova I. L. [The Orthodox landscape of Tyumen in the 17th — the first half of the 18th century: the experience of “reading”]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 2015, vol. 14, iss. 8: History, pp. 58–68. (in Russ.).
- Mankova I. L. [The Recording Book of 1624 as a Reconstruction Source of Tobolsk's Orthodox Landscape]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2014, no. 3 (130), pp. 212–226. (in Russ.).

- Matsuk M. A. [Evolution of the Orthodox landscape of the Yarensky district of the 17th century]. *Istoriko-kul'turnyye aspekty izucheniya severnykh territoriy Rossii (issledovaniya, istochniki, istoriografiya)* [Historical and cultural aspects of the study of the northern territories of Russia (research, sources, historiography)]. Syktyvkar: GOU VO KRAGSiU Publ., 2017, pp. 47–60. (in Russ.).
- Melyutina M. N. [Monasterial landscape of Kenozero: pilgrimage practice at the turn of the 19th–20th centuries]. Available at: <http://kenozerjelive.ru/melutina-palomniki.html>: (accessed 27.02.2019). (in Russ.).
- Mikhailova L. V. [Sacred geography of the Valaam archipelago]. *Pomorskiye chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on semiotics of culture]. Arkhangelsk: S(A)FU Publ., 2011, iss. 5, pp. 131–142. (in Russ.).
- Nechaeva M. Yu. [Cultural and historical sights of the Urals: status characteristics]. *Turizm v istoricheskikh gorodakh Urala* [Tourism in historical cities of the Urals]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2009, pp. 3–25. (in Russ.).
- Nechaeva M. Yu. [Monastery Landscapes and Monkhhood Prosopography: Intersection Points]. *Nauchnyy Dialog* [Scientific dialogue], 2017, no. 10, pp. 236–248. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-10-236-248. (in Russ.).
- Nechaeva M. Yu. [Monastic landscapes of the Middle Ural: research approaches and the heritage objects]. *Ural'skij istoricheski vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 4 (33), pp. 96–102. (in Russ.).
- Okladnikova E. A. *Sakral'nyy landshaft: teoriya i empiricheskiye issledovaniya* [Sacred landscape: theory and empirical research]. Berlin: Directmedia Publ., 2014. (in Russ.).
- Panchenko A. A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya: derevenskiye svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy: village shrines of the North-West of Russia]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 1998. (in Russ.).
- Platonov E. V. [Revered Stones in the Orthodox Christian Tradition in the North-West of Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2011, no. 3, pp. 130–144. (in Russ.).
- Platonov E. V. [The revered places of the Gdovsk district — cultural landscape and folklore (based on materials from 2007–2010)]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2012, no. 3, pp. 75–85. (in Russ.).
- Popova L. D. [Sacred Topography of Arkhangelsk]. *XVII Lomonosovskiy mezhdunarodnyye chteniya* [17th Lomonosov International Readings]. Arkhangelsk: KIRA Publ., 2006, iss. 2, pp. 89–96. (in Russ.).
- Religioznyy landshaft Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noy Azii* [Religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia]. Barnaul: ALGU, 2014, vol. 1. (in Russ.).
- Spasenkova I. V. [The Orthodox Framework of the Vologda Urban Planning Composition at the beginning of the 20th century]. *XVII Lomonosovskiy mezhdunarodnyye chteniya* [17th Lomonosov International Readings]. Arkhangelsk: KIRA Publ., 2006, iss. 2, pp. 96–99. (in Russ.).
- Tobol'skiy arkhierейskiy dom v XVII v.* [Tobolsk Bishop's House in the 17th century]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1994. (in Russ.).
- Vasiliev A. V. [Documents on construction of rural churches as a historical source (Tomsk Province data)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 389, pp. 139–144. (in Russ.).
- Vinogradov V. V. *Severorusskiye pochitayemyye mesta: topika svyatyn'. Izbrannyye stat'i, dissertatsiya* [North Russian revered places: a topology of shrines. Selected articles, dissertation]. Saint Petersburg: Proppovskiy tsentr Publ., 2019. (in Russ.).
- Volovik V. N. [Categories sacral landscape]. *Geograficheskij vestnik* [Geographical Bulletin], 2013, no. 4 (27), pp. 26–34. (in Russ.).
- Voroshilova A. S. [Reconstruction of the Orthodox landscape of taiga Siberia based on the materials of the Tomsk Spiritual Consistory Fund]. *Gulyayevskiy chteniya* [Gulyaev Readings]. Barnaul: AltGPU Publ., 2018, iss. 4, pp. 115–120. (in Russ.).
- Zavyalova N. I. [Reconstruction of the historical and cultural landscape of the Belopesotsky monastery]. *Naslediye i sovremennost'. Informatsionnyy sbornik* [Heritage and modernity. Information collection]. Moscow: Institut Naslediya Publ., 2002, iss. 9, pp. 85–96. (in Russ.).